

Лизавета Боровикова

«Никто ни вас, ни нас не запомнит...»

В театре, где каждая новая постановка является продолжением одного большого спектакля, начатого Юрием Погребничко еще в 1987 г., где творят магическое целое из лоскутов, обрывков и обломков, где актеры привыкли не просто играть, но разговаривать со зрителем от лица персонажей, – нелегко прозвучать в собственной тональности, но режиссеру Саше Толстошевой в «Клоунах» удастся балансировать на грани между собственным «я» и традициями «Около».

Толстошева окончила режиссерский курс Юрия Погребничко в ТИ им. Б. Щукина в 2016 г. и с тех пор поставила более десяти спектаклей на сценах Москвы и Санкт-Петербурга. Однако единственно родным для нее остается театр «Около для дома Станиславского».

«Влияние Погребничко распространяется на весь репертуар. И даже в чужих работах (хотя “чужих” тут нет) всегда заметны его “рисунки на полях”»¹, – справедливо говорится в одной из статей. Не копируя, а интерпретируя и даже ломая законы, установленные Мастером, Толстошева продолжает его линию. Соединяя дух «Около» со своей индивидуальной режиссерской интонацией, она привносит на сцену в Вознесенском переулке что-то новое и одновременно близкое этому театру.

Что представляет себе человек, когда слышит слово «клоуны»? Конечно, цирк, арену, цветные парики, красные носы и бесконечную радость. Но, приходя на «Клоунов» в «Около», зрители ничего этого не видят. Здесь магия другого порядка.

Спектакль вдохновлен одноименным фильмом Федерико Феллини. Имя великого режиссера для этого театра не чужое: несколько лет назад в «Около» шел спектакль Юрия Погребничко «Оккупация – милое дело, или О, Федерико», где главная героиня в исполнении Лилии Загорской проводила зрителей сквозь свои воспоминания, а на экране появлялись фрагменты «Амаркорда».

Фильмы Феллини, спектакли самого Ю. Погребничко и «Клоуны» Толстошевой – как бы главы единого сюжета. Их объединяет, наряду со всем прочим, фрагментарность, обрывистость и, главное, тоска по ушедшей жизни. «Время течет только в природе, а в человеке стоит тоска», как сказано в «Чевенгуре» Андрея Платонова².

Саша Толстошева не идет за фильмом след в след, но заимствует у Феллини мысль о том, что клоун не просто весельчак с красным носом – это человек, который вынужден смеяться, чтобы не плакать. Лица клоунов в спектакле усталые, с потекшим гримом – словно живая метафора уходящего искусства и одновременно отражение вечной драмы человеческой жизни, где веселая маска, пускай не всегда убедительно, пытается скрыть боль. В этом смысле каждый из нас по-своему клоун.

До недавнего времени клоунов в постановке было семеро, восьмым с ними выходил режиссер в костюме осла. Весной 2025 г. к сложившейся труппе примкнул новенький персонаж – в программке так и значится: «+1». Здесь есть представители двух главных клоунских амплуа – Белый и Рыжий. В гротескных образах, с нелепыми париками, выбеленными

«Клоуны». Московский театр «Около дома Станиславского».
Сцена из спектакля. Фото Л. Боровиковой

лицами и хриплыми голосами не сразу можно узнать ведущих актрис театра – Марию Погребничко и Екатерину Кирчак. Они следуют канону: Белый в исполнении М. Погребничко – серьезный, строгий скептик; на контрасте с ним Рыжий в исполнении Е. Кирчак – неуклюжий, наивный, смешной, он постоянно импровизирует, признается всем в любви и кажется очень трогательным.

Первым на сцене появится Белый, застынет в молчании и будет, долго вглядываясь в зал, настраивать себя и собравшихся на нужный лад. Затем хрипло даст отмашку начинать, и чуть позже зритель услышит привычный голос актрисы, уже много лет звучащий перед каждым спектаклем: «Ваши лица, освещенные снизу, становятся некрасивыми и пугают артистов». Потом этот «фокус» повторится в утрированном варианте – после долгой мелодии звонка старого телефона она громко объявит: «Просили же выключить! Ваши лица, освещенные снизу, сверху, сбоку, с другого боку, становятся некрасивыми и пугают артистов».

Рыжий, едва появившись на подмостках, сразу же ринется через «четвертую стену», отбирая у зрителей сумки и зонтики, кокетничая и вручая им увядшие цветы. Лишь этим двоим режиссер позволяет напрямую взаимодействовать с залом, задавать вопросы, шутить над усами и очками сидящих в первых рядах и даже меняться с ними местами. Из раза в раз, чтобы «посмотреть на себя со стороны», Екатерина Кирчак

И. Михалев – Игорек, О. Бешуля – Олечка, Т. Лосева – Ая. «Клоуны».
Московский театр «Около дома Станиславского». Фото Л. Боровиковой

вызывает на сцену одну из зрительниц, сама занимает ее место, а Мария Погребничко требует показать какой-нибудь номер (все-таки цирк!). Такой несвойственный «Около» прием вовлечения в игру поначалу может пугать, но затем многие втягиваются, принимают правила, отвечают такими же смешными или нарочито серьезными репликами. Ну, а кто-то злится и сбегаёт в антракте.

Шпрыхсталмейстер Даниила Богомолова – престарелый хозяин цирка и ведущий представлений. В черном фраке с блестящими лацканами он выглядит опрятнее всех, а большие руки в белых перчатках, кажется, умеют танцевать и принадлежат то ли иллюзионисту, то ли первоклассному миму. Все еще властный, хотя и с ослабшей хваткой, при появлении на сцене он будет долго припоминать, как же надо начать, но на ум приходит только слово «пора». Тут же у него рождается миллион версий продолжения: от «пора домой» до «пора-пора-пора-деемся» и пушкинских строк: «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит – / Летят за днями дни, и каждый час уносит / Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем / Предполагаем жить, и глядь – как раз – умрем». Память выдаст любые варианты, кроме единственно верного, подсказанного ему в конце концов Белым и громко озвученного все равно с ошибкой: «Пароль алё!» Вот тогда на сцену высыплют остальные участники представления.

Е. Кирчак – Рыжий.
«Клоуны».
Московский театр «Около
дома Станиславского».
Фото Л. Боровиковой

За искрометными импровизациями стоит жесткий режиссерский рисунок, один из первых «узоров» которого – «неклассический, нетрадиционный, неординарный номер» Оленьки и Игорька – «Прощание». Они медленно и тихо поднимут руки и, вглядываясь в зал, простятся с каждым. Таких тихих «вглядываний» в спектакле много. Они заставляют на мгновение замедлиться, перестать смеяться и подумать в тишине.

Все клоуны, так или иначе, неудачники, люди с трагической судьбой. Оленька (Ольга Бешуля) – в роскошном концертном платье, всегда с заплаканными глазами, вынуждена непрерывно играть на фортепьяно сложные партии. Она знает тысячи историй, народных притч, но вынуждена молча играть – «такой номер». Хотя своим голосом может вернуть к жизни убитого Рыжего или старого циркового кролика. В глазах Бешули можно увидеть отчаяние: в них, хрустальных от слез, поблескивают и гнев, и отчаяние, и несогласие с положением вещей.

Игорек (Игорь Михалев) только репетирует сольную партию, но неумолимый Шпрехшталмейстер зарубает на корню все его идеи, оставляя возможность выступать только в отсутствии зрителей. А что такое артист без публики? Существует ли он вообще?

Ая (Татьяна Лосева) – хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, клоунесса. За весь спектакль она не произнесет ни слова, зато все действительно цирковые номера будут связаны именно с ней. Ая – мастер, на протяжении всего действия ловко жонглирует мячами и показывает несложные акробатические трюки. Она же станет участницей класси-

А. Толстошева – режиссер в костюме осла.
«Клоуны». Московский театр
«Около дома Станиславского».
Фото Л. Боровиковой

ческого трюка с распиливанием женщины пополам. В образе Лосевой есть что-то иномирное. Своим смирением она выстраивает вертикаль между здешним и вечным, даже ее наряд – легкое кружевное платье поверх старого спортивного костюма – отражает постепенный переход из одного состояния в другое.

Совершенной ее противоположностью кажется Антон в исполнении Елены Павловой. Это земной, понятный, немного потерянный чудак, которого труппа нашла на помойке. Весь спектакль он будет искать себя, бесконечно ходить по кругу и пытаться поговорить с вечностью, поднимая голову, но получая в ответ только плевки. Это круговое движение, как бесконечное возвращение к истокам, как духовный путь, – один из смыслообразующих принципов спектакля. Вся цирковая труппа раз за разом будет проходить по сцене друг за другом, вырисовывая круг, но только Антону дано осознать, что «ходить нужно по большому кругу». Тогда переход в иное пространство окажется совершенно понятным: «Нужно погасить импульсы ненависти к тем, кого оставляешь позади, и при большой удаче ты достигнешь состояния полного просветления».

А. Толстошева – неизменный участник и одновременно сторонний наблюдатель своих постановок в «Около». В «Клоунах», спрятавшись за картонной маской Осла, весь спектакль она следует за своими героями, подает предметы, поторапливает действие. Ее не всегда замечают – но она всегда есть. В христианской традиции осел иногда символизирует терпение и служение – именно то, чем наполнены сердца каждого участника

Л. Богомолов – Шпрехшталмейстер, О. Бешуля – Олечка. «Клоуны».
Московский театр «Около дома Станиславского». Фото Л. Боровиковой

труппы этого крохотного цирка. Перед антрактом Осел устроит чечеточный «забег» на месте, и тогда сверху внезапно повалит снег, белым одеялом укроет всю сцену, а сам Осел сбежит и вслед за собой переведет героев и зрителей в какое-то другое пространство.

«Клоуны» – не спектакль о цирке. Это история о масках, которые мы надеваем, и о том, что за ними скрывается. О том, как смех и слезы встречаются на одном лице. И, конечно, о том, что искусство – даже если оно умирает – оставляет после себя нечто живое.

Ностальгический, поэтичный, странный, глубокий мир «Клоунов» похож на закулисы, на изнанку яркой картинки. Обшарпанная кирпичная стена, увядшие цветы, урны, полные бумажных конфетти, – все это напоминает картину Людвига Кнауса «За кулисами». Где-то там идет представление, а сюда можно выйти с невыученным текстом, растрепанным, без сложных номеров. И именно здесь – настоящая жизнь, даже если «завтра все будут уволены высшими театральными силами».

Одна из финальных мизансцен спектакля – тихое прощание. После громкого, с трубой и барабанами, «Русского вальса» Д. Шостаковича вся цирковая труппа выстраивается в одну линию и молча смотрит в зрительный зал. В глаза каждого из актеров хочется вглядываться: они смотрят на нас, но их уже здесь нет, и в этих наполненных светлой ясностью глазах – то другое пространство, которое ожидает впереди каждого. В этот момент Шпрехшталмейстер приглашает всех на общее

М. Погребничко – Белый, Е. Кирчак – Рыжий. «Клоуны». Московский театр «Около дома Станиславского». Фото Л. Боровиковой

фото, ведь «если мы вас не запомним, то кто вас запомнит? И если вы нас не запомните, то кто нас запомнит? Никто ни вас, ни нас не запомнит». И настраивает фотоаппарат, с которым есть проблема («он есть, но его нет»), – все по ту и по эту сторону рампы готовятся к фото, которого не будет, потому что невозможно зафиксировать то, чего нет. Так и с «Клоунами» – их можно запомнить, как и друг друга, но невозможно зафиксировать, потому что фотоаппарата не было и никогда не будет.

За маской веселого и до боли (в прямом смысле) смешного спектакля прячется глубокая философия: нелепые чудачки на сцене учат каждого, что «даже если все упадет – ничего страшного». Это так похоже на давний завет Погребничко из постановки «Перед киносеансом»: «Надо просто иначе подойти». Они учат, что жизнь не заканчивается, даже если завещание написано, за сценой звучат выстрелы и «похоронщик» осыпает всех пеплом, словно почерневшим от тоски снегом. Они учат жить, говоря об уходе – не обязательно о смерти, хотя о ней тоже, – и о прощании.

¹ Стольная К. Зрачками в душу // *Вопросы театра*. Proscenium. 2023. №1–2. С. 24–25.

² Юрий Погребничко: большое интервью. [Электронный ресурс] // Сайт театра «Около». URL: <http://okolo.theatre.ru/press/articles/19914/> (дата обращения: 25.10.2025).